

ПЕРЕВОДЫ

Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 99–107
Speech Genres, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 99–107
<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>

Научная статья
УДК 81'1+929[Волошинов+Фосслер]

Волошинов и Фосслер: союзники поневоле

Патрик Серио

Лозаннский университет, CH-1015 Лозанна, Швейцария

Патрик Серио, Ph.D., почетный профессор, Лозаннский университет, patrick.seriot@unil.ch,
<https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Аннотация. Между двумя путями выхода из кризиса позитивизма в начале XX века В. Н. Волошинов выбрал идеалистическую неофилологию К. Фосслера, полностью отвергая соссюрианство. Стилистический индивидуальный идеализм Фосслера Волошинов переложил в социологические понятия: «дух» становится «идеологией», «культура» становится «надстройкой», а «идеалистическая неофилология» становится «социологической поэтикой». Эта терминологическая перестановка стала причиной постоянных недоразумений в интерпретации книги «Марксизм и философия языка». В самом деле, здесь наблюдается источник интересных колебаний в оценке структурализма: холистический подход, требующий начинать от Целого, чтобы прийти к частному, а не наоборот, встречающийся в ту эпоху у многих синтаксистов в России, например у Пешковского, часто путался критиками со структуралистским принципом. Статья сравнивает французскую, вообще «левую», преимущественно марксистскую рецепцию книги В. Н. Волошинова с преобладающей ролью межиндивидуального (персоналистского) момента, ситуационного детерминизма и отказа от лингвистики во имя конкретной прагматики. Вот почему главным объектом исследования у Волошинова является не предложение, как у лингвистов-синтаксистов, а неповторяемое высказывание, понятное исключительно в рамках определенной коммуникационной ситуации.

Ключевые слова: В. Н. Волошинов, высказывание, детерминизм, история советского языкознания, марксизм, социология, стилистика, философия языка, К. Фосслер

Оригинал: *Sériot Patrick. Vološinov, la philosophie de l'enthymème et la double nature du signe: le chapitre 3 sur Vossler de sa préface à la traduction de: Vološinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage, éd. bilingue, trad. par I. Tylkowski-Ageeva et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2010. P. 72–83.*

Для цитирования: Серио П. Волошинов и Фосслер : союзники поневоле // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 99–107. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Voloshinov and Vossler: Allies without knowing it

Patrick Sériot

University of Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland

Patrick Sériot, patrick.seriot@unil.ch, <https://orcid.org/0000-0002-4805-883X>

Abstract. Between both solutions to the crisis of positivism at the beginning of the 20th century, V. N. Voloshinov chose K. Vossler's idealistic neophilology, entirely rejecting Saussurianism. Voloshinov transposed Vossler's stylistic individual idealism into sociological concepts: "spirit" becomes "ideology", "culture" becomes "super-structure", and "idealistic neophilology" becomes "sociological poetics". This terminological rearrangement has caused constant misunderstandings in the interpretation of the book "Marxism and the Philosophy of

Language”. Indeed, here is a source of interesting fluctuations in the assessment of structuralism: the holistic approach, which requires starting from the Whole in order to arrive at the particular, and not the other way around, which is encountered at that time among many linguists in Russia, for example Peshkovsky, was often confused by critics with the structuralist principle. The article compares the French, generally “leftist”, mostly Marxist reception of V. N. Voloshinov’s book with the predominant role of the interindividual (personalist) moment, situational determinism and rejection of linguistics in the name of concrete pragmatics. That is why the main object of Voloshinov’s research is not the sentence, as it is for linguists, but the unrepeatable utterance, understandable only within the framework of a particular communication situation.

Keywords: V. N. Voloshinov, utterance, determinism, history of Soviet linguistics, Marxism, sociology, stylistics, philosophy of language, K. Vossler

For citation: Patrick Sériot. Voloshinov and Vossler : Allies without knowing it. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 2 (34), pp. 99–107 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-99-107>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В науках о языке начало XX века ознаменовалось в той или иной степени во всех странах Европы крупным потрясением: *кризисом позитивизма*, самым известным эпизодом которого является «война фонетических законов»¹. Книга Валентина Волошинова «Марксизм и философия языка» (Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л. : Прибой, 1929 ; 2-е изд. 1930. Фр. перевод: *Vološinov V. Marxisme et philosophe du langage. Les problèmes fondamentaux de la méthode sociologique dans la science du langage*, éd. bilingue, trad. par I. Tylkowski-Ageeva et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2010.) [1] – одна из многих попыток найти выход из этого глубокого кризиса, который в Германии и России больше, чем во Франции², был проявлением гораздо более важного события, которое мы можем назвать *кризисом современности*³. Волошинов – участник важного изменения парадигмы, но не его инициатор.

Историю лингвистики часто описывают по линейной схеме, наполненной разрывами: Франц Бопп, затем младограмматики, затем Соссюр, затем Хомский. Это не относится

к Волошинову, который считает, что историю языковедения (или, точнее, языковедческих идей) можно свести к противостоянию двух параллельных и антагонистических течений, противостояние которых восходит к XVIII веку: «абстрактного объективизма» и «индивидуалистического субъективизма». Другими словами, Франция против Германии, картезианство против романтизма, женевская школа (Ф. де Соссюр и Ш. Балли) против мюнхенской школы (К. Фосслер и его ученики). Но это не столько история языковедческих идей, сколько типология философии языка. Волошинов представляет свою работу как радикальный разрыв со всем сказанным до него, на самом же деле он в значительной мере опирается на Фосслера.

Карл Фосслер (1872–1949) посвятил большую часть своего творчества борьбе с тем направлением мысли, которое он называл позитивизмом. Речь идет не о философии Огюста Конта, которого он никогда не цитирует, а только о *младограмматиках*, против которых он систематически выступает. Это группа преимущественно немецких лингвистов⁴, различные манифесты которых утверждают, что языки развиваются согласно физиологиче-

¹В Австрии Гуго Шухардт с концепцией гибридации языков, в Италии «неолингвисты» (см. [2]) с концепцией излучения от центра к периферии пытаются, как Н. Марр в России, выйти за ограничительные рамки этой проблематики. В эмиграции Н. Трубецкой и Р. Якобсон пытались найти ответ на вопрос, который доминировал в интеллектуальной жизни на рубеже веков: как выйти из позитивизма и «реализма»? Этот же вопрос доминировал в интеллектуальном мире предыдущей эпохи и приводил к глубокому кризису в самых разных областях в конце века. Об отказе от младограмматического позитивизма и «о лингвистике речевой деятельности» [linguistique du langage] как альтернативе «лингвистике языка» [linguistique de la langue] в Италии и в немецкоязычном мире см. [3]. Об идеологических размышлениях Н. Трубецкого и Р. Якобсона см. [4, 5] (Рус. пер.: *Серво П. Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е годы*, М. : Языки славянской культуры, 2001. 360 с.).

²Во франкоязычном мире именно школа Жюль Жильерона (1854–1926), «лингвистическая география», лучше всего соответствует этой попытке выйти из кризиса позитивизма. Это ведет, как и в случае с Волошиновым, к науке о единичном факте. Но она не достигла того развития, к которому стремилась.

³Об истории этого кризиса в Германии см. [6].

⁴В основном это Карл Бругманн (1849–1919) и Герман Остхофф (1847–1909). Младограмматический принцип абсолютных фонетических законов был сформулирован с чрезвычайной ясностью Августом Лескином (1840–1916) в его работе *Die Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen*, (1876 г.): «*Die Lautgesetze wirken ausnahmslos*» (фонетические законы не знают исключений) [7: 28].

ским законам, не знающим исключений, кроме тех, которые вызваны *аналогией* (психологической причиной). Они пользуются плохой репутацией, которую следовало бы смягчить, связанной с непризнанием каких-либо принципиальных различий между естественными науками и науками о культуре. Их принцип работы заключался в наиболее исчерпывающем описании всех материальных фактов языка без каких-либо предположений или обобщений и без построения исходных гипотез. Их наука имела строго номотетический или законодательный подход, по крайней мере, так карикатурно представляли ее недоброжелатели в начале XX века⁵.

Это стирание границы между *Naturwissenschaften* и *Geisteswissenschaften*, основанное на тождестве метода, цели и объекта, вызвало бурную реакцию философов конца XIX века, например, противопоставление «объяснения» и «понимания» у Вильгельма Дильтея (1833–1911), глубоко задевшее Волошинова. В языкознании два совершенно разных течения приступят к радикальной критике метода младограмматиков: первый набросок структурализма женева школы с Ф. де Соссюром и «идеализм» мюнхенской школы К. Фосслера. Различия между этими двумя школами были глубокими и взаимно признаваемыми:

Если и существует господствующая в настоящее время школа, находящаяся в определенной оппозиции по отношению к вышеописанной, то это та школа, лидером которой является Карл Фосслер, автор *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*, и которая вдохновляется эстетическими учениями Кроче [9: 240].

Поглощение лингвистики стилистикой

В 1904 году в своей книге-манифесте *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft*, быстро переведенном на русский язык и вскоре получившем широкую известность в России⁶, Фосслер раскрывает основную часть своего учения, состоящую из двух лозунгов:

«Сначала стилистика, затем синтаксис» [10: 16];
«Материя – ничто, дух – все» [Там же: 63].

Так родилась *идеалистическая неофилология*, своего рода психосоциология языка, которая, следуя мысли, восходящей к Дж. Вико и В. фон Гумбольдту, и дойдя до Бенедетто Кроче, попыталась выделить влияние на язык духа и культуры народа, говорящего на нем, начиная при этом с отдельных языковых явлений, с целью прийти к пониманию менталитета, личности, духа этого самого народа. Фосслер отличается, однако, от Гумбольдта тем, что для него исходной посылкой любого изменения языка является индивидуальный «стиль» великого писателя, любое (стилистическое) нововведение которого станет коллективным (синтаксическим) феноменом, если оно «соответствует» ожиданиям общества. Для него никакая форма языка не может быть причиной изменения другой формы: «дух, живущий в языке», является его истинной причиной. Следовательно, ничто не может, в понимании младограмматиков, исходить из форм, являющихся звуками, составляющими слова, которые сами выстраиваются в предложения: Фосслер переворачивает формулу: дух (*der Geist*) вдохновляет стиль, являющий себя в синтаксисе⁷.

Он опирается на романтический отказ от «анатомического вскрытия», разрывающего «живые связи» между частями Целого, которыми являются органы по отношению к живому организму⁸. Отсюда необходимость изменения порядка анализа: сперва произведение, затем предложение, потом слова и, наконец, звуки⁹. Фонетика и морфология – всего лишь эпифеномены. Таким образом Фосслер, изменив порядок анализа и причинные связи, переходит от общего к частному, выдвигая на первый план *предложение*, которое Волошин адаптирует к своей социологической проблематике, превращая его в *высказывание*:

Изучали язык не в динамике, а в его статическом состоянии. Воспринимали его как нечто данное и за-

⁵В защиту младограмматиков против упрощенного толкования их теории в начале XX века см. [8].

⁶Фосслер был хорошо известен в России еще в 1910-е годы: перевод его «Грамматических и психологических форм в языке» был опубликован в сборнике «Проблемы литературной формы» (Ленинград, 1929) и в журнале «Логос», который следовал линии редакции одноименного немецкого журнала.

⁷Сегодня на Западе никого не интересует эстетический идеализм Фосслера. В России, однако, наблюдается реабилитация его творчества во имя «предикатоцентризма», который должен быть надежной альтернативой «номиноцентризму» позитивизма, предшественника структурализма. Именно Дух или Жизнь, то есть отношение формы/содержания, противоположно «западной науке» формалистического структурализма. См., например, [11], где *Positivismus und Idealismus* назван «совершенно замечательным» произведением.

⁸О «метафорах организма» в романтической науке см. [12].

⁹Холистический подход, требующий начинать от Целого, чтобы прийти к частному, а не наоборот, встречающийся в ту эпоху у многих синтаксистов в России, например у Пешковского, часто путался критиками со *структуралистским* принципом. Эта путаница стала возможной только из-за гораздо более фундаментальной путаницы, неспособности принять во внимание противоположность *реального объекта* и *объекта познания* или *сущности* и *модели*.

вершенное¹⁰, то есть в позитивистском смысле. Над ним была проведена анатомическая операция. Живое слово было разбито на предложения, члены предложения, слова, слоги и звуки [10: 8].

Фосслер и следом за ним Волошинов признали, что такая «анатомическая» операция могла иметь какое-то практическое применение в обучении языкам, но на самом деле она только убивала то, что составляет *сущность* языка, его *душу*:

Единство организма не в его членах или сочленениях, а в его душе [Там же: 9].

У Фосслера «душа» или «Дух» являются основой *творчества*, что совершенно естественно для идеалиста. Одной из задач Волошинова будет оправдать идею творчества (*Schöpfung*) и определения высказывания «социальными» обстоятельствами.

Фосслер придерживается онтологической проблематики, которая также согласуется с позицией идеалиста: он ищет «истинную природу», «реальную сущность» языка. Эту внутреннюю реальность языка Фосслер видит в непрерывной творческой *деятельности*, осуществляемой в индивидуальных речевых актах. Таким образом, творчество в языке уподобляется эстетическому творчеству. Примат точки зрения говорящего, которую он противопоставляет примату точки зрения («пассивного») слушающего у Соссюра, и примат эстетической функции имеют свое логическое следствие в поглощении лингвистики стилистикой. Эта фосслеровская система ценностей, раз переставленная в «социологические» понятия, станет основой многих положений Волошинова в «Марксизме и философии языка» и составит сущность *эстетики словесного творчества* Михаила Бахтина¹¹.

Для Фосслера «стилистическое» (индивидуальное) нововведение становится «синтаксическим» (общим) только в том случае, если оно соответствует ожиданиям (или «духовным потребностям») языкового сообщества (или «народа»). Таким образом, отмечая, что в XIV и XV веках во Франции развился узколобий менталитет торгашества и в то же время получило широкое распространение использование частичного артикля, доселе редко встречающегося в старофранцузском языке, он пришел к выводу, что частичный артикль установился во французском языке

именно как *следствие* материалистического духа того времени [13, часть 2, глава 3]. Волошинов заменяет эти «духовные потребности» «устойчивыми социальными тенденциями» или «устойчивыми социальными отношениями говорящих», которым он не дает определения, заменяя психологию социологией, но феномен принятия обществом остается тем же:

Механизм этого процесса – не в индивидуальной душе, а в обществе, отбирающем и грамматикализирующем (т. е. приобщающем к грамматической структуре языка) лишь те моменты в активном оценивающем восприятии чужого высказывания, которые социально существенны и константны и, следовательно, обоснованы в самом экономическом бытии данного говорящего коллектива [1: 115].

Несмотря на его утверждения о классовой борьбе¹², Волошинов, как и Фосслер, представляют нам странно однородное и единое «общество», сведенное к «говорящему сообществу», «экономическое бытие» которого остается на уровне утверждений. В поисках *связи и целого*, подобно Фосслеру, Волошинов объединяет историю языка и историю литературных и философских течений в одном явлении: язык сохраняет и «стабилизирует» отдельные нововведения, опираясь на явления, внешние по отношению к нему. Так обстоит дело, по его словам, с преобладанием прямой речи в русском языке (то есть в русской художественной литературе), что связано с отсутствием «картезианского периода» в русской культуре [1: 123]. Здесь мы имеем дело с историей менталитета, перекодированной на понятия социальной психологии.

Мы понимаем, что Волошинов следует за Фосслером, стирая грань между лингвистикой и стилистикой:

С нашей точки зрения, проведение строгой границы между грамматикой и стилистикой, между грамматическим шаблоном и стилистической модификацией его – методологически нецелесообразно, да и невозможно. Эта граница зыбка в самой жизни языка, где одни формы находятся в процессе грамматикализации, другие – деграматикализации, и именно эти двусмысленные, пограничные формы и представляют для лингвиста наибольший интерес: тенденции развития языка могут быть уловлены именно здесь [1: 122–123].

Для обоих «язык в целом» или «общий язык» – это просто условная абстракция,

¹⁰«Данное и завершенное» (*etwas Gegebenes und fertig Vorliegendes*) – вот источник этого ключевого выражения, которым Волошинов, а затем Бахтин воспользуются в своем общем отказе от теории Соссюра.

¹¹Приходится подчеркнуть здесь классическое неравное положение: Фосслер никогда ничего не говорил о Волошинове или Бахтине – он, наверное, никогда о них не слышал.

¹²«Идеализм» Фосслера ни в коем случае не несовместим с социальными проблемами, которые так привлекают Волошинова, см. подраздел «Классовое сознание» в главе «Политические и социальные отношения» в [13 (с. 107–111 французского перевода 1953 г.)].

объект, которого в действительности *не существует*. Фосслер рассматривает язык как приблизительный набор индивидуальных стилей. Стилистика описывает индивидуальный способ выражения, а синтаксис описывает общий способ выражения (то есть некий социальный консенсус, принявший нововведения индивидуума как норму). Волошинова в первых двух частях *МФЯ* («Марксизм и философия языка») интересуется не языком, а общим разбросом индивидуальных и неповторяемых высказываний как «социальных событий», возникающих в результате постоянного взаимодействия между людьми, принадлежащими к одной и той же группе. Лишь в третьей части он пытается применить психосоциологические методы Фосслера к изучению языка художественной литературы, почти дословно повторяя примеры мюнхенских исследователей: если Лафонтен вводит несобственную косвенную речь (у Фосслера: *uneigentlich direkte Rede*) в свои басни, то только потому, что это «второстепенный жанр», в отличие от неоклассицизма, который более уважает иерархическую дистанцию между словами автора и чужими словами [1: 121]. Но перед обоими стоит нереальная задача: поскольку невозможно изучить все отдельные стили, а тем более все высказывания, они выберут наиболее социально значимые стили, оказавшие наибольшее влияние на развитие языка. Отсюда необходимость работать с языком писателей. Это стирание границы между языком и художественной литературой, между языковыми ограничениями и личными приемами писателя особенно хорошо выражено в практике российских университетов того времени, где слово *словесность* обозначало изучение и языка, и художественной литературы¹³.

Жизнь и Смерть

Судя по всему, Волошинов отворачивается от обоих противников – и от Соссюра, и от Фосслера. Однако он не скрывает своего предпочтения в пользу последнего. Волошинов был гораздо более учеником Фосслера, чем Бахтина. Игнорируя все многочисленные критические замечания, которым Фосслер подвергался со стороны современников, начиная с дилетантизма и утверждения бездоказательных постулатов, Волошинов отводит ему привилегированное место в науках о языке:

Школа Фосслера [...], несомненно, является одним из самых мощных течений философско-лингвистической мысли [1: 51]¹⁴.

Большинство аргументов Волошинова основано на идеях Фосслера. Он придерживается системы ценностей Фосслера (Жизнь/Смерть) для обоснования их истинности:

То идеологическое оживление и обострение, которое идеалисты-фосслерианцы вносят в лингвистику, помогает уяснению некоторых сторон языка, омертвевших и застывших в руках абстрактного объективизма. И мы должны быть им за это благодарны. Они раздражили и разбередили идеологическую душу языка, напоминая, подчас, в руках некоторых лингвистов явление мертвой природы [1: 152].

Основная критика, которую он адресует «фосслерианцам», состоит в том, что они недостаточно далеко зашли в своих исследованиях, что они остались на поверхности явлений, не ища объективных причин и «движущих сил» [Там же].

Можно, как это делает Владимир Алпатов [16: 62], отнести к стилю революционного периода волошиновский «максимализм». Нам кажется более уместным подчеркнуть то восхищение, которое он испытывает к К. Фосслеру. Как и последний, Волошинов гремит и яростно кричит. Стремясь максимально дискредитировать своих противников, он явно имитирует пламенный и памфлетный стиль Фосслера, почти дословно повторяя образы и проклятия на романтическо-метафорической оси Жизни и Смерти, где рассказы о трупах и кладбищах собираются хаотично:

Нужно со всей настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила всё лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, все основные подходы и навыки этого мышления [1: 78].

Вся область грамматических дисциплин – это огромное кладбище, которое разбили неутомимые позитивисты и где все виды умерших частей языка лежат в братских могилах или могилах, снабженных тщательно пронумерованными надписями. Кто еще не задохнулся от запаха гнили, связанного с позитивистской филологией! [10: 38].

Но все эти смертоносные образы имеют общий источник: идеалистическую эстетическую философию Бенедетто Кроче, цитируе-

¹³Лингвист Н. Трубецкой преподавал в Венском университете с 1922 года до своей смерти в 1938 году одновременно лингвистику и всю славянскую литературу «с гораздо большим увлечением, чем курс сравнительной грамматики (Трубецкой, письмо Якобсону от 18 февраля 1926 года, см. [14: 86]); для Якобсона две области – лингвистика и литература – никогда не подвергались разделению.

¹⁴В то время в СССР эту оценку разделяли не все: марксистский лингвист А. Андреев пишет: «эстетическое течение не имеет для нас никакого авторитета» [15: 14].

мую Волошиновым в *МФЯ* [1: 53], – его тоже сразу перевели и много читали в России:

[Язык] не является арсеналом красивого и готового оружия; а равным образом не является он и *словарем*, т. е. собранием абстракций или кладбищем более или менее искусно набальзамированных трупов. [17: 169] (выделено Б. К.).

Здесь, как и везде, Волошинов использует понятия антипозитивистской борьбы Кроче и Фосслера, для которых любое изучение «формы» само по себе связано с «анатомическим вскрытием», то есть с идеей Смерти¹⁵.

Литература есть Жизнь

Если, подобно Фосслеру, Волошинов не делает различия между «Жизнью» и художественной литературой, если он не обращает внимания ни на художественный *вымысел*, ни на феномен *мимесиса*, то это потому, что для него нет разницы между формой и содержанием, между языком и речью, между языком и литературой, написанной на этом языке. Для Волошинова язык – это не матрица, позволяющая выковывать новые высказывания, это совокупность не того, что может быть сказано, а уже сказанного¹⁶.

Жизнь начинается лишь там, где сходится высказывание с высказыванием, т. е. там, где начинается речевое взаимодействие, хотя бы и не непосредственное, «лицом к лицу», а опосредствованное, литературное [1: 143].

Волошинов говорит, что его интересует конкретное, живое, он не испытывает ничего, кроме презрения, к «мертвым» письменным текстам, но единственный анализ, который он делает, касается либо придуманных ситуаций, либо стилистических явлений языка художественной литературы. Более того, даже если он утверждает, что высказывание (как устное, так и письменное) является неповторяемым событием (каждое новое чтение-восприятие одного и того же текста является новым событием), его анализ касается только форм и ситуационного контекста высказывания (процесс передачи) и ни в коем случае не рецепции или интерпретации. Имен-

но за это он критикует «лингвистов», которые, по его словам, описывают только передачу, а не рецепцию высказывания. Волошинов никогда не задаётся вопросом о социальной ситуации в своей стране (Советской России) и в своё время (НЭП, конец двадцатых).

Как последовательный фосслерианец, Волошинов отождествляет историю языка – «в старофранцузском» – с историей художественной литературы – «в русском классицизме». Другими словами, «литературный язык» действительно является языком (великих) писателей, иногда разделенным на периоды, а иногда на школы. Но этот странный социолог полностью игнорирует узус народных масс; язык пролетариата, который в свое время был предметом многочисленных исследований в СССР, его не интересовал. Единственный пример ненормативного использования, который он приводит, заимствован из классической драматургии: *Ревизора* Гоголя, а сам пример заимствован из грамматики Пешковского [19: 553] (цитируется в *МФЯ* на с. 123). Что же касается конкретного *запретного слова*, классического обценизма, присущего русскому языку, которое заменяет любое слово с любым значением, он его не приводит (в России, даже в Советской России, этих слов не пишут: они воспринимаются как слишком наглядная замена денотата). Приведенный Волошиновым пример из статьи Л. Якубинского «О диалогической речи» [20: 126] заимствован из *Дневника писателя* Ф. М. Достоевского.

В тысяче лье от своего современника Грамши¹⁷, Волошинов признает только культурный узус «образованных людей», который составляет основу классической литературы, признанной социально приемлемой.

Форма и содержание

Фосслера не интересуют чистые *формы*, являющиеся звуками языка. Фонетика интересна ему лишь постольку, поскольку *акцент* может быть проявлением духа писателя или народа. Единственное определение, которое он дает слову «акцент» в главе «*Lautwandel*

¹⁵Волошинов критикует «филологию» за то, что она интересуется только рукописями, авторы которых умерли несколько веков назад, то есть лишены возможности дать «живой» ответ в подлинном диалоге (эта идея восходит к Платону, см. *Федр*). Этот упрек особенно несправедлив по отношению к младограмматикам, так интересовавшимся «живыми диалектами».

¹⁶Последствия этого отсутствия различия между языком и речью ощущаются в СССР и России, где словари частотности слов составляются не только для закрытых корпусов произведений писателя, но также и для самого языка. Таким образом, язык представляется как гигантский текст, в котором ничто не отличает того, что может быть сказано, от сказанного. Это основа неогумбольдтианства, чрезвычайно распространенного в современной России, см. по этому поводу [18].

¹⁷Или даже от зятя Маркса Поля Лафарга, чей труд *Французский язык до и после Революции* (1894) [21], переведенный на русский язык в 1930 году как «Язык и революция» (*Лафарг П. Язык и революция. Французский язык до и после революции. М. ; Л., Academia, 1930. 98 с.*), был широко известен в СССР на французском языке с 1920-х годов.

und Bedeutung», – это цитата из Гастона Париса: «Акцент – это душа слова». Он добавляет:

Акцент и значение суть разные слова, обозначающие одно и то же: оба обозначают психическое содержание, внутреннюю интуицию, душу языка. Оба имеют одинаковые тесные отношения с вокальным феноменом. Представлять, что значение и вокальный феномен могут быть отделены друг от друга, когда акцент тесно связан с последним, является очень поверхностным мнением [10: 65, перевод П. Сериио].

Волошинов подхватывает эту фосслеровскую тему акцента, приближая ее к понятию «оценки». Таким образом, всё содержание сопровождается «ценностным акцентом» [1: 25]. Работа Фосслера достаточно неоднозначна, чтобы найти в ней как идею создания индивидуального гения, так и коллективный дух общества, принимающего нововведения великого писателя, поскольку они «соответствуют» этому коллективному духу. Волошинов интерпретирует дух как *общество*, одновременно повторяя общие фосслеровские идеи:

На каждом этапе развития общества существует особый и ограниченный круг предметов, доступных социальному вниманию, ценностно акцентуированных этим вниманием [1: 26].

Подобно Фосслеру, Волошинов представляет нам *общество* как единую и нераздельную *совокупность*. Здесь коллективный дух трансформируется в «социальный кругозор данной социальной группы», который сам основан на «существенных социально-экономических предпосылках бытия данной группы» [Там же]. Следует еще раз заметить, что этот перевод фосслеровского идеализма в понятия материализма не подтверждается никакими примерами.

МФЯ есть точная транскрипция работы Фосслера в «социологических» понятиях. Таким образом, «индивидуальный голос» воспроизводит «идеологические акценты», которые тем самым являются «социальными акцентами», которые «претендуют на социальную признанность» [1: 26]. «Идеологическая тема» «всегда социально акцентуирована» [Там же]. Но взаимопроникновение двух голосов – голоса идеалиста и голоса материалиста – чрезвычайно велико, и его можно увидеть в серии синонимов, которые Волошинов иногда пропускает: социальные акценты проникают в индивидуальное сознание, они становятся «индивидуальными акцентами», оставаясь «социальными», «живыми», то есть «межиндивидуальными» [Там же]. Социальное, как и в случае с Фосслером, состоит из отношений между индивидуальными сознаниями. Конечно, как мы уже указывали, Волошинов упоминает о классовой борьбе,

ареной которой является знак. Да, знак является «многоакцентным». Но, опять же, не приводится ни одного примера конфликта, недоразумения по поводу значения слов: «люди» понимают друг друга, потому что разделяют *одно и то же переживание*. Антагонистические группы не общаются, они не обмениваются опытом. Единодушие и однородность общества у Фосслера переносятся у Волошинова на группу. Масштаб другой, утверждения перевернуты, но анализ тот же: члены группы, которые имеют общий дух (у Фосслера) или переживание (у Волошинова), разделяют то, что мы сегодня называем «горизонтом ожидания» к формам языка и их значению. Социология Волошинова не стремится к дифференциации, она изучает межличностное взаимодействие между «людьми», отношения которых являются не просто «общением», а *обменом*, с точки зрения гораздо более персоналистских течений, чем марксизм.

Теория связи

Волошинов наносит координатную сетку на прочитанное им: он переводит гумбольдтовскую лингвистику в марксистские понятия, спиритуализм – в материалистические. Он перенимает и адаптирует эстетический идеализм Фосслера в «социологическую» концепцию. Таким образом, мы можем реконструировать его систему соответствий: «дух» становится «идеологией» (и *Geisteswissenschaften* Дильтея становятся «наукой об идеологиях»), «культура» становится «надстройкой», «индивидуальное» становится «социальным» (в смысле межличностным), «идеалистическая нефилология» становится «социологической поэтикой», а «творчество» (*Schöpfung*) остается «творчеством». Произведение Волошинова прекрасно вписывается в этот разрыв с позитивизмом, который ознаменовал философские дебаты в Германии и эхо которого можно услышать во Франции в одну эпоху с Бергсоном.

Отказ Фосслера от имманентности младограмматического метода ведет к грандиозному предприятию, направленному на установление систематической *связи* между формами языка и культурой народа, который на нем говорит. Вот как резюмирует этот проект французский переводчик Фосслера Альфонс Жюйян:

... отменить границы, отделяющие анализ лингвистических фактов от анализа литературных фактов и филологическую критику от литературной критики и художественной критики. [...] Вмешательство «духа», который оставляет один и тот же отпечаток на цивилизации, культуре и языке, создает мост между лингвистикой и другими науками: лингвистика,

преимущественно историческая дисциплина, также имеет право стать отдельной главой в истории цивилизаций [22: 7].

«Отменить границы»: все сказано в этой формуле, которая суммирует фундаментальный принцип «идеалистического» течения Фосслера. Эта теория связи, этот отказ от всякого разделения есть одно из двух решений, предлагаемых как средство преодоления кризиса позитивизма. Волошинов полностью поддерживает эту точку зрения:

Между отнесением произведения к системе языка и отнесением его к конкретному единству литератур-

ной жизни господствует полный разрыв, преодолеть который на почве абстрактного объективизма – невозможно [1: 80].

Другим, противоположным решением будет «соссорианство», которое, напротив, устраняет большие целостности и сохраняет только то, что релевантно с определенной точки зрения. Волошинов не скрывает своих предпочтений: из двух решений – мюнхенского и женеvского – он выберет первое, чтобы затем адаптировать его к своей «социологической» перспективе. Из второго он не возьмет ничего, оно предано им анафеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 196 с.
2. Bertoni G. Programma di filologia romanza come scienza idealistica. Genève: L. S. Olschki, 1922. Biblioteca dell'Archivum romanicum, Serie 1, Storia, letteratura, paleografia 2. 156 p.
3. Baggioni D. Langue et langage dans la linguistique européenne (thèse d'État en 3 vol.). Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires de Lille, 1986.
4. N. S. Troubetzkoy. L'Europe et l'Humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques / ed. P. Sériot. Liège : Mardaga, 1996. 247 p.
5. Sériot P. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris : Puf, 1999. 360 p.
6. Mosse G. L. The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich. New York : Howard Fertig, 1981. 373 p. (1re éd. 1964).
7. Leskien August. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876. 197 p.
8. Samain D. La construction du métalangage dans le premier tiers du XXe siècle // Actes du colloque ICHOLS 8. Amsterdam : J. Benjamins, 2002. P. 351–364.
9. Secheyhay A. L'école genevoise de linguistique générale // Indogermanische Forschungen. 1926. T. XLIV. P. 217–241.
10. Vossler K. Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft, Eine sprachphilosophische Untersuchung. Heidelberg: C. Winter, 1904. 118 p.
11. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Военный университет, 1999. 194 с.
12. Schlanger J. Les Métaphores de l'organisme. Paris: L'Harmattan, 1995. 262 p.
13. Vossler K. Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung: Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit. Heidelberg : C. Winter, 1913 ; 2e éd. Frankreichs Kultur und Sprache : Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Gegenwart, Heidelberg : C. Winter, 1929. 410 p.
14. Письма и заметки Н. С. Трубецкого / под ред. Р. О. Якобсона. М. : Языки славянской культуры, 2004. 506 с.
15. Андреев А. П. Язык и мышление. Опыт исследования на базе материалистической яфетической теории. М. : ЦК СЭСР, 1930. 107 с.

16. Алтатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянской культуры, 2005. 432 с.
17. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика : пер. с 4-го итальянского издания В. Яковенко. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1920. 171 с.
18. Sériot P. Oxymore ou malentendu? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2005. № 57. P. 23–43.
19. Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 579 с.
20. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. 1923. № 1. С. 96–194.
21. Lafargue P. La Langue française avant et après la Révolution. Paris : L'Ère nouvelle, 1894. 98 p.
22. Juillard A. Préface de l'édition française // Vossler K. Langue et culture de la France. Histoire du français littéraire des origines à nos jours. Paris : Payot, 1953. P. 5–8.

REFERENCES

1. Voloshinov V. N. *Marxizm i filosofiya yazyka* [Marxism and the philosophy of language]. Moscow, Labirint Publ., 1993. 196 p. (in Russian).
2. Bertoni G. *Programma di filologia romanza come scienza idealistica*. Genève, L. S. Olschki, 1922. Biblioteca dell'Archivum romanicum, Serie 1, Storia, letteratura, paleografia 2. 156 p.
3. Baggioni D. *Langue et langage dans la linguistique européenne* (thèse d'État en 3 vol.). Villeneuve d'Ascq, Presses Universitaires de Lille, 1986.
4. Sériot P., éd. N. S. Troubetzkoy. *L'Europe et l'Humanité. Écrits linguistiques et paralinguistiques*. Liège, Mardaga, 1996. 247 p.
5. Sériot P. *Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris, Puf, 1999. 360 p.
6. Mosse G. L. *The Crisis of German Ideology. Intellectual Origins of the Third Reich*. New York, Howard Fertig, 1981. 373 p. (1st éd. 1964).
7. Leskien August. *Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen*. Leipzig, 1876. 197 p.
8. Samain D. La construction du métalangage dans le premier tiers du XXe siècle. In: *Actes du colloque ICHOLS 8*. Amsterdam, J. Benjamins, 2002, pp. 351–364.
9. Secheyhay A. L'école genevoise de linguistique générale. *Indogermanische Forschungen*, 1926, t. XLIV, pp. 217–241.

10. Vossler K. *Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft. Eine sprachphilosophische Untersuchung*. Heidelberg, C. Winter, 1904. 118 S.
11. Kurdjumov V. *Ideja i forma. Osnovy predikacionnoj koncepcii jazyka* [Idea and form. Fundamentals of the predication concept of language]. Moscow, Voennyj institut Publ., 1999. 194 p. (in Russian).
12. Schlanger J. *Les Métaphores de l'organisme*. Paris, L'Harmattan, 1995. 262 p.
13. Vossler K. *Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung : Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit*. Heidelberg, C. Winter, 1913 ; 2e éd. *Frankreichs Kultur und Sprache: Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Heidelberg, C. Winter, 1929. 410 p.
14. *Pis'ma i zametki N. S. Trubetskogo, pod red. R. O. Jakobsona* [Yakobson R. O., ed. Letters and notes of N. S. Trubetskoy]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 506 p.
15. Andreev A. *Jazyk i myšlenie. Opyt issledovanija na baze materialistiueskoj jafetiueskoj teorii* [Research experience based on materialistic Japhetic theory]. Moscow, Izdanie TzK SESR Publ., 1930. 107 p. (in Russian).
16. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 432 p. (in Russian).
17. Croce B. *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetics as the Science of Expression and as General Linguistics, translated from the 4th Italian edition by V. Yakovenko]. Moscow, Izd. M. i S. Sabashnikovs, 1920. 171 p. (in Russian).
18. Sériot P. Oxymore ou malentendu ? Le relativisme universaliste de la métalangue sémantique naturelle universelle d'Anna Wierzbicka. *Cahiers Ferdinand de Saussure*, 2005, no. 57, pp. 23–43.
19. Peškovskij A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage], Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 579 p. (in Russian).
20. Jakubinskij L. About dialogical speech. *Russian Speech*, 1924, no. 1, pp. 96–194 (in Russian).
21. Lafargue P. *La Langue française avant et après la Révolution*. Paris, L'Ère nouvelle, 1894. 98 p.
22. Juilland A. Préface de l'édition française. In: Vossler K. *Langue et culture de la France. Histoire du français littéraire des origines à nos jours*. Paris, Payot, 1953, pp. 5–8.

Поступила в редакцию 12.10.2021; одобрена после рецензирования 13.11.2021; принята к публикации 01.12.2021
The article was submitted 12.10.2021; approved after reviewing 13.11.2021; accepted for publication: 01.12.2021